

«У нас нет другого выхода, как жить дальше»

Интервью с Первым секретарем СК РФ, режиссером Игорем Масленниковым

СКН: Последней Вашей работой был сериал «Что сказал покойник?». Спасибо Вам за него. На общем фоне сериального бума с убийствами, членовредительством и прочими страстями Ваш «Покойник» производит очень светлое и жизнеутрачивающее впечатление. Просто сказка.

Игорь Масленников: Спасибо. Мне это очень приятно слышать, потому что сериал и трудно создавался. С одной стороны, было удобно работать, было много возможностей, денег, интересных экспедиций. Мы снимали во Франции, Греции, Дании, Польше. Но были проблемы с финансированием. Сначала он финансировался ТВЦ, потом Московским правительством. Было много путаницы, в частности, с оформлением договоров с автором романа. И в результате, при том, что сериал создан и уже показан на ТВЦ, ОРТ и НТВ, я до сих пор не могу понять, кому он принадлежит, кто за него получает деньги, почему не выпускаются кассеты, почему его не могут показывать в Польше, хотя поляки очень хотят иметь этот сериал. У меня претензии к продюсеру этой картины Сергею Жигуну. Мне кажется, здесь есть какие-то личные мотивы, непонятные мне. При том, что «Покойника» все хвалят, сам Жигун считает это большой неудачей. Однако работа все равно вышла, и все это уже неважно. Это так, к слову.

СКН: А что Вы сейчас делаете?

И.М.: Я решил пока не делать телесериалов. Мне кажется, я уже достиг всего, что мог в этом жанре. Я вижу, как все ринулись в это сериальное море. И чего я там буду плавать? Хотя Константин Эрнст предлагал мне снимать «Фандорина», еще до Адабашьяна. Ну что, опять собирать антикварную мебель, искать исторические интерьеры, как это уже было в «Холмсе...»?

СКН: А хочется новизны?

И.М.: Да, хочется новизны. В прошлом году я был председателем жюри на «Кинотавре». И каждый вечер, садясь смотреть кино, я изнывал от черной зависти. Делают же люди кинофильмы, а не только сериалы. Я так истосковался по кино.

СКН: А это очень сильно отличается – снимать сериал и снимать фильм?

И.М.: Это отличается очень, и не только, когда его делаешь, но и когда фильм закончен и продолжает свою жизнь уже без тебя. Мне как-то захотелось пожить вместе со своей картиной. А сериал один раз показали по телевидению – и все, он вылетел в трубу. Ну, если удачный, его покажут еще несколько раз. Но все равно, фильм живет иначе, нежели сериал. Да и просто захотелось сделать кино. И я нашел сценарий. Наткнулся на него случайно, будучи в жюри сценарного конкурса, который проводили Сценарная Студия и Госкино. Я даже не знал, кто автор. А потом, когда этот сценарий получил первый приз, я узнал, что автор сценария – Аркадий Высоцкий. Он меня поразил. Целый год мы добывали деньги у Госкино, наконец, нам их выделили. И инвесторы появились. Короче, с 25 июля я начинаю снимать «Балладу о бабочке».

СКН: О чем картина?

И.М.: У нее очень сложный жанр. Это современная жизнь, реалистическое кино, но при этом оно чуть-чуть приподнято, романтизировано и драматизировано, я бы даже сказал – трагедизировано. Это история девочки, одной из тех, каких сейчас много, – хороших длинноногих девчонок, которые существуют рядом с богатыми людьми, стали частью их имиджа. Вот такая хорошая умничка девочка рядом с хорошим, умным и очень богатым человеком, сделавшим ее деталью своей богатой усадьбы. Поначалу даже непонятно, о девятнадцатом веке мы говорим или о сегодняшнем дне. Только с появлением «мерседеса» мы понимаем, что это происходит сейчас. Вот такая история. Потом начинаются трагические обстоятельства и наша бабочка оказывается выброшенной из жизни. При всем трагизме эта история – очень светлая.

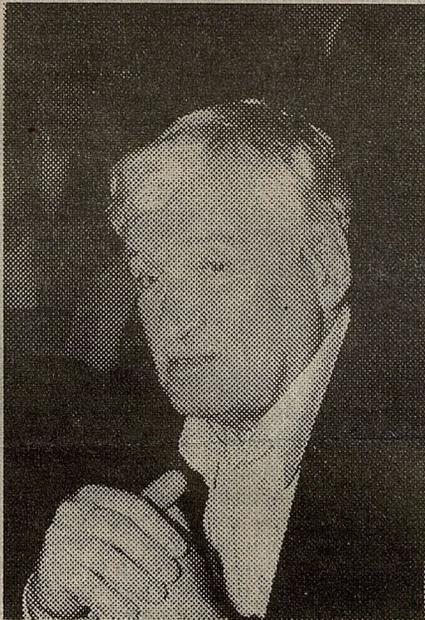
СКН: Игорь Федорович, у Вас, кажется, никогда не было больших простоев в работе?

И.М.: Да, я всегда много работал. Я закончил отделение журналистики филфака Ленинградского университета, работал на телевидении и ушел оттуда с должности главного редактора литературно-драматического вещания на режиссерские курсы Г.М. Козинцева. С тех времен у меня выработалась привычка – вставать утром, умы-

ваться, завтракать и идти на работу. И это состояние существует во мне всю жизнь. Поэтому я не представляю себе, как быть вне работы. Я знаю нескольких очень талантливых людей на «Ленфильме», которые так и просидели в кафе, сделав две-три довольно интересные работы. У меня свойство – я все время должен что-то делать. Поэтому и снял так много картин.

СКН: Основные свои работы Вы сняли в Ленинграде, и именно на «Ленфильме» в 80-90-е годы очень ярко заявило о себе авторское кино. Ваши же фильмы совершенно иные – зрительские, рассчитанные на мгновенный эмоциональный отклик, независимо от возраста и образования. Такое кино у нас, еще со времен Гайдая, не было особенно в почете среди критиков. Вы замечали это когда-нибудь по отношению к Вашим картинам?

И.М.: Я преподаю в Петербургском Университете кино и телевидения, бывшем ЛИКИ. Когда на занятиях речь заходит об авторском кино, я говорю студентам: «Этим кино вы займетесь, когда почувствуете в себе природу авторского лирического высказывания. Это может быть в человеке, а может и не быть. Вы должны четко понять про себя, кто вы – лирический поэт или просто рассказчик? И не надо заблуждаться на этот счет. Пыжьтесь и изображать из себя автора в авторском кино нельзя. Это особый дар».

Не буду называть фамилии, но я знаю много режиссеров, которые занимаются авторским кино, потому что им очень хочется быть Тарковскими, Феллини и так далее. Но дело в том, что нельзя себя сделать режиссером авторского кино. Это или есть или нет. Либо вы пишете лирические стихи, где выражаете себя и изучаете себя, либо вы рассказываете истории.

Мне лично себя изучать неинтересно. Я стесняюсь делиться с другими людьми тем, чем внутри себя живу. Мне этого никогда не хотелось. Я – рассказчик, и это не менее достойная профессия в кинорежиссуре. Мне обязательно нужно, чтобы была история, чтобы были прописаны характеры. Талант нужен, но талант рассказчика. Как с рассказыванием анекдотов: один рассказывает так, что тошно слушать. А другой так расскажет, что все помирают со смеху. Вот в чем искусство режиссуры – той, которой я занимаюсь. Я должен позаботиться о том, чтобы всем было интересно.

СКН: Мне кажется, об этом сейчас редко думают наши сценаристы и режиссеры. Стало расхожим местом пренебрежительное отношение к зрителю и похоже, что это – одна из причин того, что в последние годы произошло смещение жанровых канонов в нашем кино.

И.М.: Этот процесс понятен. Были утеряны школа, ремесло, навыки. В какой-то момент с появлением авторского кинематографа, начиная с Тарковского, была утрачена школа тренинга, то, что у балетных называется умением стоять у стенки и каждый день по 8 часов заниматься просто упражнениями. Исчезли мастера, которые учили рассказывать истории внятно, четко, увлекательно. Молодым была брошена идея, что прежде всего они должны выразить себя. Да что он может выразить, если он только что из школы? Это или есть

СКН: Набросок - 1001 - 10 авг - 09

в человеке, или нет – желание делиться тем, что у тебя на душе, что тревожит тебя и волнует. А всей молодежи активно предлагалось: «Самовыражайтесь!»

СКН: И наша критика это поощряла.

И.М.: Да, самый главный виновник в этом – критика. Она сбивала с толку целое поколение. И произошло это как раз в последние 10-15 лет, после того знаменательного V съезда. Ну, а в результате мы имеем то, что имеем.

СКН: А что мы имеем? Что сейчас происходит в нашем кино?

И.М.: Как бы сейчас «ни угасал» кинематограф, о чем стало привычным говорить, земля продолжает рожать все новых и новых детей, и этот процесс неостановим. И среди этих детей обязательно есть те, кто одарен и стремится заниматься нашим делом. Я вижу это по своим студентам.

Мне вообще стало интересно заниматься с молодыми – может быть, это уже возрастное, но они вызывают у меня живейший интерес. Недавно принимали экзамен у сценаристов-первокурсников в университете Натальи Нестеровой. На экзамене, кроме меня, были Эдуард Володарский, Максим Пежемский, Исай Константинович Кузнецов – солидная публика. И вы знаете, там есть очень интересные и перспективные ребята. Я принимал курсовые работы у своих второкурсников – три из них уже можно показывать на любом студенческом конкурсе.

СКН: То есть никакого уныния относительно перспектив нашего кино быть не должно, и уже в ближайшее время можно рассчитывать на его возрождение?

И.М.: Я думаю, да. Идет нормальная жизнь. Природа продолжает рожать таланты, и в такой огромной стране, как наша, это будет продолжаться всегда. Сейчас у молодых есть прекрасные возможности получать хорошее образование. Правда, нет пока условий для дальнейшей реализации этих талантов.

СКН: Вы имеете в виду отсутствие экономических условий для нормального развития кинопроизводства?

И.М.: Я имею в виду то, что деньги-то как раз можно добыть, если бы была возможность их возвращать, если бы у нас был прокат, через который шел бы процесс их возврата.

Это сейчас наша самая главная, катастрофическая проблема – утерянный прокат. Я очень хорошо помню, как происходил его развал. Я помню первую наркотическую инъекцию, когда некий Таги-заде закупил 300 американских фильмов чуть ли не по 10 долларов каждый. Это было первой наркотической иглой, введенной в наш изголодавшийся народ, который до этого мало что видел из мировой кинопродукции. Так были совращены директора кинотеатров. Они вдруг обнаружили, что можно зарабатывать бешеные деньги, почти ничего в это не вкладывая. И покатило это дело с горки. А когда к Таги-заде пришли из разогнанного Госкино СССР Ермаш, Павленок, Иванова и прочие, они ему еще помогали доразвивать кинопрокатную систему.

Так она и развалилась в одночасье. В результате наш прокат сегодня не может вернуть денег за свое родное кино, даже если бы и захотел этого. Куда проще делать деньги на американском «Титанике». Фильмы, подобные «Титанику»; дойдя до нашего проката, уже собрали основные деньги у себя в Америке и дальше идут по миру, докребывая прибыль по суекам. На этих блокбастерах зарабатываются огромные деньги, поскольку конкуренции по постановочному размаху на российском рынке у них практически нет.

У нас же нет таких денег, чтобы снимать нормальное кино, которое собирало бы полные залы и, как минимум, отбивало затраты, не говоря уже о прибыли.

СКН: А каковы перспективы выхода из этой безнадежной ситуации?

И.М.: Да никакая она безнадежная. Поскольку жизнь неизбежна по природе своей, она постоянно обновляется. Все как-то утрясется, наладится. Найдутся умные люди. Уже есть масса рецептов, как выходить из создавшегося положения. Есть французская модель, когда государство активно помогает кинопроизводству. Есть проекты российских кинопрокатных компаний. Все это реально, я верю, что народ в конце концов пойдет смотреть наши фильмы.

СКН: А массивный телевизионный кинопоказ не сможет этому воспрепятствовать?

И.М.: Даниил Дондурей недавно подумывал, что у нас, как ни в одной стране мира, каждую неделю по всем телевизионным каналам показывается 300 кинофильмов. Ну как же кинематографистам угнаться за таким разнообразием выбора? Вот люди и сидят дома у своих телевизоров. Но конкуренция с телевидением – это не только наша проблема. Мир-то остальной существует, и мы никуда не денемся. Чтобы вытащить человека из дома, нужно предложить ему что-то особенное, чего он не сможет ощутить, лежа на диване. Но я думаю, что мы научимся делать такое кино и строить такие кинотеатры, потому что у нас нет другого выхода, как жить и жить дальше.

СКН: А как соотносится с Вашими оптимистическими настроениями наш сегодняшний отечественный кинорепертуар?

И.М.: Именно исходя из него я и делаю такие прогнозы. Современное кино – поучительное и совсем небезнадежное зрелище. У нас очень сильное кино, которое я назвал бы триллерно-разбойничьим. Мы научились делать его вполне на международном уровне. «Брат», например, сделан мощно, и рядом с ним можно поставить еще несколько такого же рода картин, которые сработаны толково и грамотно. Другое дело, что я не приемлю эту тематику. Но с точки зрения профессионализма и умения угодить зрителю, можно сказать, что мы уже умеем делать это. Не хватает интересных позитивных идей, не хватает чего-то доброго и светлого.

В этом смысле очень показателен опыт моей студии «Троицкий мост», когда в Канаде мы получили сразу два гигантских приза: за картину В.Каневского «Замри – умри – воскресни» и за «Такси-блюз» П.Лунгина. После этого у французов вспыхнул к нам большой интерес. Тогда мы сделали семь фильмов по заказу французского телевидения – «Русские повести», все они ушли во Францию. Это были качественные картины. Но вскоре интерес стал угасать. На французов обрушилась лавина чернухи.

Почему мы занимались чернухой с такой страстью? Потому что раньше не имели права показывать жизнь во всей ее неприглядности. Поэтому, когда раскупили эту консервную банку, сначала оттуда пошла одна дурнота. Естественно, это очень дискредитировало нас на европейском рынке. Ну, а сейчас нам и самим стало ясно, что спасение кино – только в светлых, добрых, гуманистических фильмах. Пусть они будут драматичны и даже трагичны, как тот фильм, что я собираюсь снимать, но все равно должно быть какое-то ощущение добра и надежды. Все утрясется. Это произойдет само собой, естественным ходом, как произошло у американцев. Не может же человек все время питаться гнилыми консервами.

Вообще, в русской натуре есть такая склонность – верить больше в плохое, чем в хорошее. Для нас привычнее брюзжать, чем радоваться. В последнее время это как-то особенно развилось.

СКН: Но с этим, наверное, надо работать и активно бороться за позитив – и в душе, и в жизни, и в кино?

И.М.: Мне хочется, чтобы то, чем я занимаюсь, было нужно людям и чтобы своими картинами я вызывал у них чувство радости и света. Это моя элементарная задача как режиссера.

СКН: А как Первого секретаря Союза кинематографистов России? Может ли Союз активно способствовать нормализации кинопроцесса?

И.М.: Обязательно. Я и пришел сюда ради этого. Недавно с Ириной Николаевной Гращенковой мы создали молодежный отдел, и скоро начнутся семинары и мастер-классы, которые будем проводить в Белых Столбах. Кроме того, мы вступили в ФЕРА, в Европейскую ассоциацию кинорежиссеров. У нас есть договоренность, что за их счет в течение года пройдут два-три мастер-класса с крупными мастерами европейского кино. В ближайшее время мы также предполагаем открыть в Интернете сайт Союза кинематографистов, где, кроме информации о событиях, происходящих в Союзе, всем желающим кинематографистам, в том числе и молодым, представится возможность высказаться на любую интересующую их тему, дать о себе информацию, рекламу, принять участие в самой разработке союзного сайта.

Для Союза кинематографистов России не менее важным делом, чем социальная защита своих членов, является восстановление творческой атмосферы, дружеского участия в творчестве коллег, активного обмена мнениями, критикой, просмотрами, опытом.

Татьяна НЕМЧИНСКАЯ

СКН: Как вы считаете, что будет в будущем кинопрокате?